Социальное сотрудничество: история и современность

Н.В. Иллерицкая

Социальное сотрудничество в истории России: версии российской историографии

В статье рассматривается бытование проблемы социального сотрудничества в русской и российской историографии XIX–XXI вв. Автор концентрирует свое внимание на анализе интеллектуальной конструкции «социальное сотрудничество», предложенном «молодым» поколением историко-юридической школы. Автор подчеркивает, что данная модель социального сотрудничества в истории России была общепризнанной в классической историографии. Советская историография ее полностью отвергла, однако современная социальная история России вновь актуализировала эту модель и инкорпорировала ее в практику историописания.

Ключевые слова: социальное сотрудничество, интеллектуальная конструкция, историко-юридическая школа, социальная история.

Тема социального сотрудничества в истории России является одной из наиболее дискуссионных для российской исторической науки на протяжении XIX–XXI вв. Историки представили различные трактовки этой проблемы: конструируя прошлое, они сознательно помещали исследуемый материал на «территорию историка», которая находится на рубеже представлений прошлого и современности.

Для представителей русской классической историографии XIX – начала XX в. не было ничего более позитивного, чем народы с их историческими судьбами. При такой постановке вопроса обращение к средневековой истории было теоретически обоснованным: в седой русской старине были, по мысли исследователей, и города-государства с их общинной организацией, и древнее народовластие, и взаимозависимое сословно организованное общество,

что вместе взятое составляло общественный идеал социального сотрудничества. Крупнейшие русские историки XIX в. искали и находили в прошлом то, что хотели видеть в современном им обществе: древнее самоуправление, вольности и свободы.

В 60–90-е гг. XIX столетия «молодое поколение» ученых историко-юридической школы – А.Д. Градовский, Ф.И. Леонтович и В.И. Сергеевич – создали классические труды, в которых обозначенные проблемы получили интерпретацию, не потерявшую в теоретическом и методологическом плане своего значения для современной науки.

В 1867 г. вышла первая монография В.И. Сергеевича «Вече и князь»¹, оставшаяся классикой до сегодняшнего дня. Исследование Сергеевича впервые дало строго научное изображение вечевого строя как общего уклада жизни древнерусских земель. Народоуправство, или вече, оказалось не только принадлежностью северных торговых республик, но и общераспространенной формой быта всех русских земель. Его повсеместность была выявлена путем рассмотрения как документальных источников, так и общих условий быта. Сергеевич исчерпал все свидетельства летописей о проявлении вечевой жизни в различных землях и на этом основании сделал вывод о повсеместности действия вече в Древней Руси. Таким образом, Сергеевич убедительно доказал исконность вече как первоначальной формы народоуправства (т. е. социально-политического сотрудничества)².

Все население древнерусской волости состояло, по мнению Сергеевича, из равноправных домохозяев, еще не разделенных на сословные чины. Население представляло единообразную массу: каждый свободный «человек» имел дело с государственной властью. Следовательно, в древнерусском обществе возможна была только непосредственная демократия. Власть призванных князей была слаба, поэтому князья вынуждены были искать для себя опору в согласии и сотрудничестве с народом³.

Главным оппонентом В.И. Сергеевича стал А.Д. Градовский, издавший в 1868 г. очерк «Государственный строй древней России»⁴, в котором он сформулировал собственное видение процессов древнерусской истории, причем сделал это с позиций общинно-договорной теории. Градовский утверждал, что элементы непосредственной демократии в Древней Руси выражались не только в вечевом устройстве: вече соответствовало общинному быту. Основы вечевой формы глубоко коренились в общине как единице хозяйственной и организационной. По мнению Градовского, государство только dokonчило дело, начатое социально-политическим

сотрудничеством общин: общины спокойно тянули возложенное на них тягло и стянули Московское государство⁵.

Во второй половине XIX в. проблема «народоправства» получила в российском обществе особый социально-политический смысл: «народоправство» воспринималось как основной способ участия общества в делах страны. Именно поэтому научное решение проблемы «народоправства» включало аспект «земля и народ». Отсюда и повышенное внимание к истории земских соборов XVII–XVIII вв. как к примеру сотрудничества, непосредственного сближения власти с народом.

В 1875 г. В.И. Сергеевич опубликовал свой очерк «Земские соборы в Московском государстве»⁶. Он подчеркивал, что московские государи не смотрели на объединенный ими народ как на пассивную массу, поэтому во всех трудных случаях сами обращались к нему как к живой силе и искали в единении с ним опору для своих действий⁷.

Одним из наиболее сложных вопросов был вопрос о составе земских соборов. По идее, считал Сергеевич, которая выражалась как во взглядах московских государей на собор, так и в сознании самого народа, на земские соборы должна была созываться для совета вся «земля». И это не просто риторическая фраза. Здесь высказывается сознание эпохи. В состав собора входил государь. В принципе должны были призываться все чины, из которых состояло тогда свободное население Московского государства. Поголовно призывались члены государевой думы и постоянные советники царя. Низшие ряды служилых людей, а именно люди по городу Москве и городовые служилые люди, призывались по выбору. Последний разряд составляли разные чины тяглых людей. К этому разряду принадлежали торговые люди, известные под общим названием «посадские», а также крестьяне под именем уездных людей, т. е. то незначительное число крестьян, которые остались свободными. Но это исключение крестьян до определенной степени восполнялось представительством посадских, в большинстве своем все тех же крестьян, т. к. резкого различия между крестьянами и уездными жителями в то время еще не было. Все низшие разряды представлялись своими выборными⁸.

Все официальные протоколы указывают, подчеркивает Сергеевич, что на соборы сзывались люди разных чинов. Но едва ли можно утверждать, что правительство считало необходимым иметь представительство от каждого чина из каждого населенного пункта. Вводя всюду единообразные московские порядки, правительство склонно было думать, что люди одного и того же чина находят-

ся в одинаковых условиях, где бы они ни жили. Потому считалось, что посадские одного города легко могли представлять интересы посадских людей вообще и, в крайнем случае, собор мог состояться, если на нем были представлены только посадские люди города Москвы. Чаще всего народные представители созывались в целях получения от них денежного вспоможения для пополнения казны, для обсуждения вопросов о мире и войне и устроения «земли» вообще. Факт вынесения приговора соборами не подлежит сомнению. Но как возникал сам приговор «земли»? Надо думать, что решение всегда принималось единогласно, что оно являлось результатом соглашения между всеми⁹.

Русские государи нуждались в сотрудничестве с русской «землей» и эту поддержку они получали в форме соборов. Московские государи имели за собой право действовать и помимо соборов. Но наряду с этим они признавали что-то и за народом, в силу чего обращались к нему за содействием. С исторической точки зрения это «что-то», утверждал Сергеевич, есть отголосок порядков княжеской эпохи, когда князь и народ, по особенностям быта того времени, находились в непосредственных отношениях друг к другу¹⁰. История земских соборов показывает, что они созывались в самые критические периоды жизни Московского государства. Наибольшее число соборов выпадает на время, когда Россия должна была бороться с величайшей разрухой, унаследованной от Смутного времени. И можно сделать вывод, что выборные люди были на уровне своего высокого призвания и хорошо понимали потребности своего времени. Деятельность земских соборов Московского государства была полезна как форма общения и сотрудничества государя с «землей».

Когда народ хочет изменить свою социальную жизнь в настоящем, он обращается к исторической памяти и ищет нужные ему образцы в прошлом. Вопросы, которые задаются прошлому, формулируются потребностями текущего момента, и, чтобы ответить на них, профессиональная историческая наука начинает переформатировать прошлое. В этом контексте во второй половине XIX в. в поле центральной проблематики перемещается история сословности в России, в пространстве которой возможно полнее всего отследить социальное сотрудничество как между различными слоями общества, так и между властью и народом. Таким образом, наиболее разработанной и востребованной в исторической науке оказалась «теория закрепощения и раскрепощения сословий», предложенная историко-юридической школой.

Наиболее полно «теория закрепощения и раскрепощения сословий» в «старшем» поколении историко-юридической школы

была представлена Б.Н. Чичериным¹¹. В объяснениях Чичерина выступает антитеза исторического развития России и Западной Европы, парадоксально переворачивающая основной тезис славянофильской концепции. Славянофилы противопоставляли «общинность» русского славянского быта индивидуалистическому началу Западной Европы. Чичерин объявляет общинность «союзным началом» – основным началом западноевропейской истории. Там люди соединялись в прочные союзы – образовывали сословия; эти сословия стояли рядом с государством и представляли общественное начало, ограничивающее королевскую власть и определяющее ее действия. У нас «одинокое, блуждающие лица» продолжали выступать изолированно; у нас вследствие временного характера договоров сословия не могли получить такой определенности, как на Западе. Только договорные начала с князем создавали связь между его дружинниками, объединяя их в служилое сословие. Таким же образом тягло, хозяйственные повинности превратили в сословия наше городское и сельское население. Проводилась мысль, что русское общество строилось на основе социального взаимодействия и взаимосвязи всех его слоев сверху донизу: тягло каждого сословия обеспечивало существование и деятельность всех остальных сословий и функционирование государства в целом.

Принципы построения русского общества в духе социального сотрудничества продолжили разрабатывать представители «молодого» поколения историко-юридической школы. А.Д. Градовский утверждал, что первоначальная история России определялась двумя важными факторами, неизвестными Западной Европе: понятием о единстве территории и бродячим состоянием народонаселения. Бояре и служилые люди, известные под общим названием дружина, обыкновенно следовали за своими князьями и перемещались из волости в волость. Бродило и все население¹².

Отношения между дворянами и правительством и между собой были служебными. Их положение напоминало положение прежних дружинников, которые были связаны со своим князем только лично. Московские дворяне также добывали себе выгодное место и хороший поместный оклад. Поэтому никакой прочной корпорации не могло составить между лицами одинаково несвободными, объединенными только обязанностями¹³. В течение всего XVII столетия законодательство не знало дворянства как местной корпорации. Правительство пользовалось услугами дворянства только в центральной и полковой службе. Вне этой службы дворянин мог быть только в случае, если правительство не имело надобности пользоваться его услугами. Поэтому то движение, ко-

торое начало наблюдаться в XVII в. в дворянстве, представлялось странным. Рядом с тяготением дворянства к Москве замечалось другое движение – от центра к окраине, к провинции. Под влиянием установления поместий должны были развиваться новые экономические интересы и новые социальные связи, которые в будущем обещали расцвести в земских учреждениях. Поэтому А.Д. Градовский утверждал, что сословием, связанным с местностью обитания, дворянство стало только благодаря своим поместьям, пожалованным за службу¹⁴. Истинно местными сословиями, связанными с территорией, считал Градовский, можно назвать только крестьян и горожан.

В 1868 г. А.Д. Градовский развил общинно-волостную теорию¹⁵. Градовский исследовал вопрос об общине в связи с гражданскими правами крестьянства Древней Руси, равно как и с экономическими условиями их жизни. Он пришел к заключению, что община была единственным и необходимым организмом, который обеспечивал и регулировал жизнь крестьян. По мнению Градовского, огромной заслугой общины было то, что в самые тяжелые времена она сохранила и поддержала крестьянина и понятие о государственном единстве. Первым учреждением, получившим власть над крестьянами, была община. Эта общинная власть долгое время сохраняла гражданскую свободу крестьянина, и только на основе общины могло быть осуществлено самоуправление в Древней Руси.

Свои взгляды на общину в 1874 г. сформулировал Ф.И. Леонтович¹⁶. Он поддержал идею Градовского об органическом происхождении общины и утверждал, что роль общины заключается в том, что она собственными творческими силами организует местный, территориальный элемент, устанавливает отношение народа к месту его оседлости и таким образом оформляет понятие народной территории.

По мнению Градовского, сознание свободы и единства русского общества, долго жившее в народе, препятствовало образованию в России сословий, которые, в сущности, противны нашему национальному духу¹⁷. Градовский подчеркивал, что государство по отношению к местным сословиям – крестьянам и горожанам – действовало другими средствами, чем по отношению к дворянству: достаточно было закрепить общину и предоставить ей закрепить отдельных ее членов. Вольный союз Древней Руси постепенно превращался в тяглое, социально связанное общество. Власть мира, издавна существовавшая как продукт народного сознания, получила казенный характер. Не подлежит сомнению, что закрепление касалось всех общин, как владельческих, так и черных. Некоторая

степень самоуправления сохранялась за городами, но она сохранялась скорее в интересах тягла, чем в интересах общины. Каждое сословие собиралось в одно целое, у сословий были общие интересы. Сословное тягло в конце концов стянуло в одно целое Московское государство. Дружина получила оседлость, рознь прежнего кочевого быта сменилась единством. Русский народ сложился¹⁸.

В своем главном труде «Начала русского государственного права» (1875–1883) А.Д. Градовский определил русское общество в качестве объекта специального анализа. Труд Градовского важен тем, что в нем впервые прослеживается история русских сословий в петровские и послепетровские времена. Погрузившись в конкретно-исторический материал, Градовский увидел процесс формирования русского общества гораздо более сложно. Он настаивал, что государственная власть нередко сама создавала сословные различия, т. е. участвовала в конструировании общества. Из всех европейских государств роль правительства в формировании сословий была наиболее видной в России. В этом смысл и специфика устройства российского общества. Этот вывод вошел в теоретический арсенал исторической науки и актуален для нее до сегодняшнего дня.

В развитие темы истории русской сословности в 1887 г. выступил В.И. Сергеевич со статьей «Вольные и невольные слуги московских государей»¹⁹. С его точки зрения попытка углубиться в социальные особенности формирования служилого сословия была чрезвычайно актуальной для науки, поскольку именно это сословие продемонстрировало основную модель конструирования всех московских чинов.

По мнению Сергеевича, московские порядки тесно переплетались с домосковскими. Можно сказать даже более: Московское государство создавалось общественными силами, сложившимися и действовавшими еще в домосковский период. Поэтому в первые века существования Москвы встречаются служилые и несслужилые люди. Но эти два разряда лиц не составляли еще двух сословий. Высший разряд служилых людей составили вольные слуги: по роду службы они были военные слуги, по характеру службы – это вольные слуги. Русское боярство создало свою древнейшую конституцию, которой пользовались вольные слуги московские в самую горячую пору объединения Московского государства – в XIII, XIV и XV вв.; она действовала еще и в XVI в. По ней вольные слуги сами себе выбирают господина и служат ему, пока он им нравится. Князя не могут пренебрегать их советами и мнениями. Вольные слуги судили и управляли в своих вотчинах и жалованных землях; они же – судьи и правители городов и волостей в качестве корм-

ленщиков. Они – поборники Московского государства²⁰. Поэтому Сергеевич утверждал, что именно вольные слуги создали Московское государство. В их интересах свершилось и прикрепление крестьян. Купив свободу служилых людей, правительство охотно согласилось уступить им свободу рабочего населения.

Таким образом, уже к 90-м гг. XIX в. у В.И. Сергеевича сложился круг идей, которые определили его воззрения на сословную историю России в допетровский период. Дальнейшее развитие эти представления получили в его фундаментальном труде «Древности русского права». В наиболее полном виде они были изложены в заключительном, третьем издании этого труда (1908–1909 гг.).

В монографии специально выделен раздел «Население», в котором автор решал наиболее существенные вопросы социальной структуры древнерусского общества. В основу своего анализа В.И. Сергеевич кладет свойственное, с его точки зрения, деление людей на свободных и рабов, а затем уже следит за дальнейшей дифференциацией свободного населения по сословным группам и разрядам. Он писал: «Древняя Русь не знала сословий... До образования единого Московского государства все население русских княжеств ... представляло единообразную массу, разные слои которой отличались один от другого достоинством, а не правами и обязанностями... От князей до последнего свободного всякий мог быть воином, чиновником, иметь поземельную собственность, заниматься торговлей, промыслами.... Люди были “лучше” и “меньше”. Таким образом возникла целая лестница качественных различий одного и того же рода свободных людей. Ступени этой лестницы не были замкнуты...»²¹. Это означает, что Сергеевич полагал, что в Древней Руси существовала социальная общность, а не общество.

Интеллектуальная конструкция «молодого» поколения историко-юридической школы относительно формирования и функционирования российского общества с древнейших времен до XVIII в. вошла в фундаментальное ядро русской исторической науки. Их главная идея, что народоправство, община и сословная организация являются тремя элементами, выстраивающими социальное сотрудничество внутри общества и между обществом и государством, была воспринята академическим сообществом. Как только завершился проект советской историографии, отрицавший этот подход, современная социальная история России уже на новом эмпирическом уровне возродила эти идеи²². Общим местом стало утверждение, что Московское государство было бессословным и бесклассовым: социальные

группы не являлись ни сословиями, ни классами. Главными социальными организациями российского населения являлись общины: крестьянская и городская. Социальная жизнь общины была построена на органическом единстве и солидарности, основанной на соседстве и родстве. Структура этих организаций определяла нормы жизни и поведения ее членов, органы самоуправления и способы контактов с властью. Община как форма социальной организации долго отвечала интересам крестьян и мещан – тех, кого называли народом. Общеизвестно, что до периода империи сословия оформлялись в зависимости от наложенного на них тягла и, таким образом, в духе социального сотрудничества конструировалась вся общественная жизнь России, что обосновывали в своих трудах представители «молодого» поколения историко-юридической школы.

Примечания

- ¹ *Сергеевич В.И.* Вече и князь: Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М., 1867.
- ² Там же. С. 256–272.
- ³ Там же. С. 6.
- ⁴ *Градовский А.Д.* Государственный строй древней России // Журнал Министерства народного просвещения. 1868. № 10. С. 101–143; Он же. Сочинения: В 7 т. Т. 7. СПб., 1901. С. 341–383.
- ⁵ *Градовский А.Д.* Сочинения. Т. 7. С. 348, 379–380.
- ⁶ *Сергеевич В.И.* Земские соборы в Московском государстве // Сборник государственных знаний: В 2 т. Т. 2. СПб., 1875. С. 72–112.
- ⁷ Там же. С. 80.
- ⁸ Там же. С. 91.
- ⁹ Там же. С. 100.
- ¹⁰ Там же. С. 110.
- ¹¹ *Чичерин Б.Н.* Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 352–354.
- ¹² *Градовский А.Д.* Общественные классы и административное деление России до Петра I // Журнал Министерства народного просвещения. 1868. № 4. С. 85.
- ¹³ Там же. С. 86.
- ¹⁴ Там же. С. 87.
- ¹⁵ *Градовский А.Д.* История местного управления в России: Уезд Московского государства. СПб., 1868. С. 88–90.
- ¹⁶ *Леонтович Ф.И.* Задружно-общинный характер политического быта Древней России // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. № 7. С. 136–145.

- ¹⁷ Градовский А.Д. История местного управления в России... С. 445–446.
- ¹⁸ Там же. С. 698.
- ¹⁹ Сергеевич В.И. Вольные и невольные слуги московских государей // Наблюдатель. 1887. № 1, 2, 3.
- ²⁰ Там же. № 1. С. 58–59; № 2. С. 40–42, 66.
- ²¹ Сергеевич В.И. Древности русского права: В 3 т. Изд. 1-е. Т. 1. СПб., 1890. С. 198; Изд. 3-е. Т. 3. СПб., 1909. С. 200.
- ²² Подробнее см.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи: XVIII – начало XX в.: В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. Т. 1. СПб., 2003. С. 522–528.